

УДК 94(470)»16/18»

РОССИЙСКО-СЕВЕРОКАВКАЗСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В НАЧАЛЕ XIX ВЕКА

Д.С. Кидирниязов
Институт ИАЭ ДНЦ РАН, Махачкала

daniyal2006@rambler.ru

Аннотация: Основываясь на данных архивных и литературных исторических источников, учитывая достижения отечественной историографии по проблеме, автор показывает важную роль Северокавказского региона в военно-политическом противостоянии России, Персии и Османской империи за сферы влияния на Кавказе в начале XIX в. Автор особо отмечает значение Гюлистанского мирного договора и вхождение Дагестана в состав России.

Summary: Basing on the archival and literary historical data, taking into account the achievements of the native historiography of the problem, the author shows the important role of the North-Caucasian region in the military and political confrontation between Russia, Persia and the Ottoman Empire for the influence in the Caucasus at the beginning of the 19th century. He emphasizes the importance of the Gulistan Peace Treaty and Dagestan's joining to Russia.

Ключевые слова: Россия, Персия, Османская империя, Северный Кавказ, Дагестан, Гюлистанский мирный договор, феодальные владетели.

Keywords: Russia, Persia, the Ottoman Empire, the Northern Caucasus, Dagestan, the Gulistan Peace Treaty, feudal lords.

Как известно, в рассматриваемый период взаимоотношения народов Северного Кавказа с Россией были тесно связаны с политической обстановкой, сложившейся в это время в регионе. Прежде всего, это была борьба Российской империи с шахским Ираном и султанской Турцией за сферы влияния на Кавказе.

Следует отметить, что османы в эти годы продолжали антироссийские происки на Кавказе. Об этом красноречиво свидетельствует дипломатическая активность Стамбула в период подготовки весной 1795 г. нашествия иранского правителя Ага-Мухаммед-хана на Кавказ. Имея в виду свои дальние агрессивные планы, султан подталкивал персидского правителя к походу на Южный Кавказ, оказывая шаху финансовую и военную помощь. Османы, по данным российских властей, поставили персидскому войску 150 тыс. тонн пшеницы, мясо, масло и т.д. (*Бутков П.Г.*, 1869. С. 343). В то же время по указанию султанского правительства паши пограничных областей держали наготове свои войска для помощи Ага-Мухаммед-хану в случае его похода на Южный Кавказ. Одновременно султан требовал от владетелей Дагестана содействовать Персии в борьбе с Россией. Когда шахские войска вторглись в пределы Южного Кавказа, сераскер Юсуф-паша, указывал П.Г. Бутков, сыпал деньги дагестанским владельцам: аварскому, казикумухскому ханам и лезгинам (народам Дагестана – Авт.)* [*«Лезгины» – общее название дагестанских народов в изучаемое время.], внушая, что если Россия завладеет персидскими городами, то дагестанцы принуждены будут подчиняться русским. Сераскер призывал народы Дагестана «сделать всеобщее движение на российские пределы, чтобы отвлечь русские войска от настоящего предприятия» (*Бутков П.Г.*, 1869. С. 404–405).

В связи с новой угрозой Кавказу со стороны шахского Ирана в начале XIX в. османы не ослабляют антироссийские интриги среди народов Северного Кавказа. Совместно с Персией Порта всячески содействует сепаратистским силам внутри Кавказа на борьбу с Россией, оказывая им не только моральную поддержку, но и материальную и иную помощь. С наемными отрядами горцев Дагестана ахалцихский паша учащает вторжения в пределы Грузии. Кроме того, грузинский царевич Александр с фирманом султана возбуждал владетелей Дагестана к походу на

Грузию, обещая каждому жалованье (АКАК, 1866. Т. 1. С. 288). Таким образом, главными организаторами набегов дагестанцев на Грузию были Порта и Персия.

После убийства Павла I политика России стала более последовательной. Император Александр I восстановил отношения с Англией и Францией.

Прекращение войны в Европе в начале XIX в. дало возможность российскому правительству перейти к решительным действиям на Кавказе. Присоединение 24 (12) сентября 1801 г. Грузии к России и начало строительства Военно-Грузинской дороги давали Петербургу ключевые позиции в кавказском регионе и оказали огромное влияние на её дальнейшую стратегию и политику на Кавказе.

Успехи России на Кавказе вызвали отрицательную реакцию в Персии. Агрессивные планы шахского Ирана принимали все более широкий размах и поощрялись европейскими державами, особенно Лондоном. В январе 1801 г. Англия подписала политический и торговый договор с Персией. Новый иранский шах Фетх-Али-хан рассчитывал воспользоваться сближением с Лондоном для подготовки к войне с Россией, продолжал выдвигать претензии к Грузии, требовать признания его верховной власти над Дагестаном и Северным Азербайджаном. Консул России в Персии Скибинский доносил, что главнокомандующий персидскими войсками Сулейман требует у талышского, бакинского, дербентского правителей прислать «надежные залогов в преданности Баба-хану (Фетх-Али-хану – Д.К.)» (Джахиев Г.А., 1985. С. 23).

Иранский правитель Фетх-Али-хан также прислал письма владетелям Дагестана, в котором требовал признания власти шаха. Главнокомандующий российскими войсками на Кавказе ген. К.Ф. Кнорринг писал в Петербург, что по сообщению из Дагестана: «сын Баба-хана Аббас-Мирза, посланный от него с 30 тыс. войском к стороне Дагестана, имеет от него, Баба-хана, приказание привести в должное повиновение ему Грузию, Дагестан и Ширван» (АКАК, 1866. Т. 1. С. 643).

Одновременно российскому командованию на Кавказе была вручена нота шахского правительства с требованием вывести русские войска из Грузии. В ней также подчеркивалось, что Дагестан и Азербайджан являются «издавна подвластными Ирану и должны подчиняться власти» шаха (АКАК, 1866. Т. 1. С. 97).

Петербург отклонил ноту шахского Ирана и подтвердил свое покровительство Грузии и Дагестану (АКАК, 1866. Т. 1. С. 106–107, 109–110). В ответ на это летом 1800 г. шахские войска вторглись в пределы Южного Кавказа (РГВИА. Оп. 1. Ф. ВУА. Д. 482. Л.29–39).

Шахским правительством заранее была разработана широкая программа антироссийских действий среди народов Северного Кавказа. Следует отметить, что при этом особое значение придавалось Дагестану, где шах надеялся использовать антироссийские отношения некоторых владетелей. Используя здесь исламскую религию, подкупы и шантаж, Персия старалась склонить их к войне с Россией.

С этой целью в Дагестан неоднократно посылались шахские эмиссары с его воззваниями, ценными подарками и деньгами. Кроме того, под влиянием шахского правителя Фетх-Али-хана беглый грузинский царевич Александр и другие недовольные Россией кавказские владетели пытались склонить правителей Дагестана к антироссийским выступлениям (АКАК, 1866. Т. 1. С.127).

Им удалось организовать выступление некоторых местных владетелей во главе с правителем Аварии Умма-ханом против Грузии. Они намеревались также присоединиться к персидским войскам для совместных действий против России (АКАК, 1866. Т. 1. С.123). Но их планы были сорваны. Осенью 1800 г. под натиском российских войск персы были вынуждены отступить за р. Аракс (АКАК, 1866. Т. 1. С.151–152).

Однако аварский владетель Умма-хан со своим войском с численностью до 15 тыс. человек в конце августа 1800 г. подошел к пограничной реке Алазани. В октябре в лагерь Умма-хана прибыл беглый грузинский царевич Александр (АКАК, 1866. Т. 1. С.159, 161, 164).

Руководитель русско-грузинского отряда ген. Лазарев в письмах Умма-хану уговаривал его уйти со своим войском, но хан не внял его просьбам (АКАК, 1866. Т. 1. С.165–168). 7 ноября 1800 г. у р. Йори произошло сражение между противоборствующими сторонами. В битве вместе с Умма-ханом приняли участие Али-Султан Аварский, брат его Хаджи-Ахмед-хан Дженгутайский, сын Сурхай-хана Казикумухского, Кази-мулла, табасаранский кадий, Муса-Хаджи Аксаевский и некоторые другие владетели Дагестана. Сражение закончилось поражением владетелей Дагестана (АКАК, 1866. Т. 1. С.166–168).

Поражение Умма-хана у р. Йори произвело сильное впечатление на персов. Вскоре шах Фетх-Али-хан отозвал свои войска с Кавказа. Ген. К.Ф. Кнорринг 8 февраля 1801 г. писал российскому

царю, что по сообщению Генерального консула в Персии Скибинского, «Фетх-Али-хан, узнав о победе над Умма-ханом, оставил намерение о посылке отрядов в Грузию» (АКАК, 1866. Т. 1. С. 682–683).

Этот документ свидетельствует о той важной роли, которую отводили Дагестану правящие круги Персии в осуществлении агрессивных планов шаха на Кавказе. Шахское правительство последовательно придерживалось этой линии по отношению к Дагестану на всем протяжении рассматриваемого времени.

Разумеется, отозвав свои войска, шах Фетх-Али-хан не думал прекращать экспансию на Кавказе – он готовился к более решительной битве.

К реваншу на Кавказе его активно подталкивали западные державы и Османская империя. Особую активность проявляла дипломатия Англии, прикрывавшаяся демагогической шумихой об угрозе со стороны России Индии (Абдуллаев Ф., 1971. С. 38). В начале XIX в. англичане, устанавливая свое господство в Индии, вынашивали планы обширных захватов на Востоке. Англия стремилась проникнуть в Центральную Азию и Южный Кавказ, установить свое господство на Ближнем и Среднем Востоке. Петербург мешал реализации этих захватнических замыслов Лондона.

С начала XIX в. активизировалась деятельность французской дипломатии на Востоке. Это было связано с резким возрастанием внешнеполитической экспансии Франции после прихода к власти Наполеона.

Имея за собой поддержку Англии и Франции, шахский Иран стал готовиться к войне с Россией. Ещё задолго до объявления войны иранский шах стал подстрекать владетелей Северного Кавказа, в частности, Дагестана, к походу на Грузию (АКАК, 1866. Т. 1. С. 357–359, 660, 693–694).

В октябре 1802 г. Главнокомандующий российскими войсками на Кавказе ген.-л. К.Ф. Кнорринг сообщал в Петербург: «Получены известия, якобы Баба-хан писал некоторым дагестанским владельцам и к Ханбутаю Сурхай-хану Казикумухскому, прося их собрать войска свои и присоединиться с оными к тем, кои он на Грузию послать намеревается» (АКАК, 1866. Т. 1. С. 288). Но несмотря на все усилия, персам не удалось в 1802 г. добиться организованного выступления владетелей Дагестана против Грузии, за исключением нескольких мелких набегов (АКАК, 1866. Т. 2. С. 152, 154–155).

Выше уже отмечалось, что в начале XIX в. российское правительство стало переходить к более энергичным действиям в северокавказском регионе. Этот решительный поворот в политике Петербурга был связан с мерами по завершению присоединения Грузии к России, заинтересованностью в торговых путях в Персию по западному берегу Каспийского моря, а также с усилением угрозы нападения персов на Кавказ. В рескрипте императора Александра I на имя Главнокомандующего российскими войсками на Кавказе предписывалось установить между владетелями Северо-Восточного Кавказа «для общего их и народов их блага твердый союз и дружеское, под верховным моим покровительством, согласие» (АКАК, 1866. Т. 1. С. 753–755). Император Александр I дал указание собрать всех владельцев региона на съезд, объяснить им вред междоусобий и объединить их в союз для защиты от шахского Ирана.

В сентябре 1802 г. в кр. Георгиевске собрались владетели или их посланцы всего Северо-Восточного Кавказа, где был подписан общий договор, имевший огромное значение. Этот договор обязывал владетелей сохранять преданность России, не затевать междоусобий, а в случае нападения Персии «ополчаться единодушно всем к прогнанию общего их неприятеля». Им также предписывалось оказывать поддержку российским купцам, ведущим торг в регионе. Кроме того, гарантировалось покровительство и защита северокавказских торговцев, приезжавших в Россию (АКАК, 1866. Т. 2. С. 1009–1011).

Следует отметить, что вступление местных владетелей в федеративный союз вовсе не означало переход в российское подданство. Создавалась как-бы двухступенчатая схема присоединения кавказских владений в состав России: сначала вступление их в создаваемую федерацию ханств, а потом переход в прямое российское подданство (Гануров Ш.А., 2003. С. 187). Такой порядок был заложен не случайно. Создав так называемый «независимый» союз кавказская федерация могла сделать «собственный» выбор и таким образом Петербург уходил от военного политического конфликта и конфронтации с Персией. Кроме того, один и тот же владетель мог находиться одновременно как в «федерации», так и в российском подданстве: «А как таковым союзом положится конец всякой между теми ханами и горскими владельцами вражде и неприязненности, – указывал император Александр I, – то если бы они стали просить о принятии их в моё покровительство, имеете их обнадежить оным и когда пожелают отправлять от себя депутатов, их

сюда препроводить...» (АКАК, 1866. Т. 1. С. 755). В целом, этот договор содействовал сплочению владетелей региона под покровительством России для защиты от персидских притязаний. Он послужил юридической основой для их будущего объединения в составе России. Кроме того, этот договор повлиял на процесс консолидации сил для борьбы против осmano-персидской агрессии (Кидирниязов Д.С., Махмудова К.З., 2012. С. 150).

Во время съезда поступило прошение о принятии подданства России от нуцала Аварского. В апреле 1803 г. в Хунзахе нуцал Султан Ахмед-хан торжественно присягнул на верность России (АКАК., 1866. Т. 2. С. 764–766). В марте-апреле 1803 г. к России были присоединены вольные общества Джаро-Белоканы (Киняпина Н.С., Блиев М.М., Дегоев В.В., 1984. С. 103).

Между тем шахский Иран, готовясь к войне с Россией, по-прежнему рассылал своих эмиссаров на Северный Кавказ, призывал их к активным действиям против России.

Подавшись на сторону иранского шаха, Сурхай-хан Казикумухский в союзе с аварским старшиной Алискандом и джаро-белоканцами в октябре 1803 г. напали на российский отряд ген.-м. В.С. Гулякова, но, встретив сильный отпор, отступили. В январе 1804 г. между этими противоборствующими сторонами вновь произошло сражение. Русские потерпели поражение, а сам командующий В.С. Гуляков был убит (РГВИА. Ф. ВУА. Д. 6166. Ч. 1. Л. 108–113; Летифова Э., 2010. С. 100). Вскоре Сурхай-хан Казикумухский ушел из Белокан, когда местные жители помирились с русскими (АКАК. 1866. Т. 2. С. 774).

Таким образом, с начала XIX в. внешнеполитическое и внутреннее положения на Северо-Восточном Кавказе снова обостряются. Это было связано с новой активизацией политики Персии и Российской империи. Следует подчеркнуть, что агрессия персов была отведена при активном содействии России.

В сентябре 1802 г. ген.-л. П.Д. Цицианов был назначен инспектором на Кавказской линии и главнокомандующим в Грузии. Он разработал проект устройства укреплений на Кавказской линии по Сунже до Брагунов и от Моздока до Владикавказа. Так, в 1803 г. была построена кр. Кисловодская и ряд других редутов (История народов Северного Кавказа..., 1988. С. 21–22; Очерки истории..., 2010. С. 147). Кроме того намечалось возвести редуты в районе будущих крепостей Грозной, Назрановской, а также на Камбилеевке (РГВИА. Ф. 424. Оп. 1. Д. 47. Л. 1–2). Вместе с тем делались попытки рекогносцировки берегов Сунжи для постройки ряда укреплений (Очерки истории..., 2010. С. 147).

Следует отметить, что принятие Аварского ханства в российское подданство и присоединение Джаро-Белокан к России оказали огромное влияние на Дагестан и Северный Азербайджан. Многие владетели и верхушка вольных обществ Нагорного Дагестана заверяли Петербург о готовности вступить в подданство России. Но начавшаяся первая русско-иранская (1804–1813 гг.) война несколько задержала присоединение Дагестана к России.

Поводом к войне послужило вступление в начале 1804 г. российских войск в Гянджу. В захватнической политике на Кавказе иранский шах особое внимание уделял северокавказскому региону. От кабардинских, чеченских и осетинских владетелей он требовал закрыть для российских войск все горные проходы (РГВИА. Ф. ВУА. Д. 4259. Ч. 1. Л. 167–168). Важное место уделял Фетх-Али-хан также Дагестану. Правящие круги шахского Ирана надеялись, опираясь на враждебно настроенных местных владетелей и некоторую часть мусульманского духовенства, поднять все дагестанские народы на «священную войну» против России. Так, иранский шах отправил своего эмиссара к аварскому старшине Алисканду, чтобы он был в готовности к походу (РГВИА. Ф. ВУА. Д. 4259. Ч. 1. Л. 167–168). Кроме того, беглый грузинский царевич Александр снова подстрекал народы Дагестана против России (АКАК, 1866. Т. 2. С. 164–168, 691).

Следует отметить, что не все призывы шахского Ирана достигли своей цели. Тарковский шамхал и многие владетели Дагестана не только не откликнулись на призывы шаха, но и передавали его призывы российскому командованию на Кавказе (АКАК. 1866. Т. 2. С. 786, 1039). Кроме того, жители Дербента вышли навстречу российским войскам (Гаджиев В.Г., 1965. С. 186–189).

Эмиссары иранского шаха не смогли поднять всеобщее восстание против России в северокавказском регионе. Однако следует отметить, что некоторые владетели Осетии (тагаурский владетель А. Дударов), Дагестана (Ших-Али-хан Дербентский, Али-Султан Дженгутайский) открыто поднялись против России. Так, Сурхай-хан Казикумухский настойчиво призывал северокавказские народы к борьбе с русскими, однако не получил серьезной поддержки (Киняпина Н.С., Блиев М.М., Дегоев В.В., 1984. С. 111; АКАК. 1866. Т. 2. С. 786, 948).

Главнокомандующий российской армией на Кавказе ген.-л. П.Д. Цицианов одерживал блестящие победы в Азербайджане. Так, русский отряд нанес поражение коннице Аббас-Мирзы, наследника шахского престола. Но в феврале 1806 г. около Баку П.Д. Цицианов был убит. Вместо него новым главнокомандующим был назначен И.В. Гудович (История народов Северного Кавказа..., 1988. С. 24–25).

Перед реальной угрозой порабощения шахским Ираном, в Чечне и Дагестане ряд местных владетелей подтвердили новыми присягами подданство России (АВПРИ. Ф. СПб. Гл. архив. Оп. 8. 1806 г. Д. 2. Л. 115, 118). Так, в апреле 1807 г. такие повторные присяги принесли некоторые владетели Чечни (АКАК. 1895. Т. 3. С. 664–667).

Вскоре Дербент и Баку снова были заняты российскими войсками. Тарковский шамхал помог русским отрядам и был назначен за это правителем Бакинского ханства. Сурхай-хан также присягнул на верность России (АКАК. 1895. Т. 3. С. 278–279; История Востока, 2004. С. 146).

Поражения понесенные шахскими войсками на полях сражений в 1805–1806 гг., и успехи России на Северном Кавказе, Азербайджане вызвали серьезную тревогу у правящих кругов Персии.

Шахский Иран был недоволен политикой Англии. Последняя не могла оказать реальной помощи шаху, так как Англия в союзе с Россией воевала против Франции. Поэтому Лондон не хотел идти на обострение отношений с Петербургом, оказывая открытую помощь иранскому шаху в войне за Кавказ.

Недовольством шахского Ирана умело воспользовалась Франция. В захватнических планах Наполеона важное место отводилось странам Востока, не только как объекту колониального проникновения, но и как возможным союзникам в борьбе против Англии и России.

В 1805 г. в Тегеран прибыли послы Франции, которые поощряя шаха к продолжению войны, предлагали заключить союз с Францией против России и Англии (АКАК. 1866. Т. 2. С. 883–887, 1033–1035).

4 мая 1807 г. был подписан между Персией и Францией Финкештейнский договор. По его условиям Наполеон гарантировал принудить Россию уйти с территории Грузии, признавал последнюю принадлежащей шахскому Ирану. В свою очередь, Персия обязалась – пропустить войска французские к границам Индии (История народов Северного Кавказа..., 1988. С. 25).

Но вскоре международная обстановка изменилась. Россия из врага временно превратилась в союзника Франции. В июле 1807 г. между Францией и Россией был заключен Тильзитский мир, где ни слова не было сказано о возврате Грузии Персии.

Однако следует отметить, что после заключения Тильзитского мира, антироссийская деятельность Франции в шахском Иране не прекратилась (АКАК. 1873. Т. 3. С. 99–100, 443, 485–489).

Одновременно Франция добивалась сближения Персии с Портой. В результате усилий Франции османы стали готовиться к войне с Россией (АКАК. 1873. Т. 3. С. 522).

Во избежание войны на двух фронтах российское правительство предложило шаху переговоры о мире. Мир с Персией России нужен был не только для освобождения военных сил на случай войны с османами, но и преследовал и другую цель – заключить с шахом союз против османского султана (АКАК. 1873. Т. 3. С. 424).

Российско-османская война 1806–1812 гг. началась при активном содействии Франции. Петербург не стремился к этой войне, ибо шла российско-персидская война 1804–1813 гг. Кроме того, Россия принимала участие в третьей антифранцузской коалиции.

Война с Портой осложнило положение на всем Северном Кавказе. Султанские фирманы посылались в Прикубанье, Кабарду и во всю центральную часть Северного Кавказа с призывом изгонять и истреблять русских. Стамбул выдвинул широкие планы полного вытеснения России за Кавказскую линию и далее.

Ещё весной 1804 г., до начала российско-османской войны и в нарушение ст. 23 Ясского договора, в Кабарду от паши Анапы были посланы султанские эмиссары с призывами подняться против России и обещанием помощи и денежных вознаграждений. Поводом к волнениям в Кабарде было начало российско-персидской войны. Часть адыгских владетелей воспользовалась затруднениями России и подняла восстание против российских военных властей на Кавказской линии. Восстание было вызвано местными причинами – конфликтами с русским командованием и переплеталось с внутренней классовой борьбой в кабардинском обществе. Адыгские владетели поощряли и возглавляли набеги на Кавказскую линию. Российские офицеры также самочинно захватывали у кабардинцев скот, взымали незаконные пошлины и поборы. Русский отряд разорил

десятки аулов в районе Пятигорья и жестоко подавил вспыхнувшее там восстание (История народов Северного Кавказа., 1988. С. 27; История многовекового содружества, 2007. С. 153; Бегулов Р.М., 2009. С.172–173).

В марте 1809 г. главнокомандующим на Кавказе был назначен ген. А.П. Тормасов. Он должен был продолжать прежний политический курс, с преобладанием мирных способов урегулирования спорных вопросов с местным населением, проводимый ранее П.Д. Цициановым и И.В. Гудовичем. Однако, следует отметить, что в 1809–1810 гг. усиливаются набеги на Кавказскую линию кабардинцев, чеченцев, а также ингушей (*Потто В.А.*, 1887. Т. 1. С.634). Ингуши, переселяясь на равнину с разрешения российской администрации, естественно, не могли получить от них полной защиты от притязаний адыгских владетелей. Поэтому для защиты своих интересов они просили у российского командования военной помощи. В 1810 г. ингуши приняли повторную присягу. После этого им было дано право переселения на плоскость. С этого времени началось строительство российских укреплений Назрановское и Казах-Кичу при переправе через р. Сунжу (РГВИА. Ф. 482. Оп. 1. Д. 20. Л. 11; АКАК. 1881. Т. 8. С. 669).

Следует отметить, что на рубеже 1810–1811 гг. российское правительство разрабатывало новый проект управления Кавказом. В частности, Северный Кавказ по этому проекту отходил в ведение Кавказского и Астраханского губернатора, в руках которого также сосредотачивалась и военно-административная власть над Кавказской линией (*Потто В.А.*, 1887. Т. 1. С. 469–470).

Между тем, главнокомандующий на Кавказе ген. А.П. Тормасов, один из наиболее умеренных наместников на Кавказе, старался стабилизировать обстановку в Чечне торгово-экономическими связями, переселенческими выгодами горцев и на плоскость и другими мерами (АКАК. 1875. Т. 4. С. 889–890, 906).

Необходимо подчеркнуть, что в начале XIX в. важное значение для Петербурга имела ситуация в районе Военно-Грузинской дороги. Главнокомандующий на Кавказе ген. И.В. Гудович тесно сотрудничал с представителями социальной верхушки Осетии и ввел для них различные льготы в пошлинах, взимаемых российскими властями за проход по Военно-Грузинской дороге (АКАК. 1873. Т. 3. С. 213). Кроме того, И.В. Гудович обещал осетинам повлиять на кабардинских владетелей, совершавших частые нападения на Осетию (Очерки истории., 2010. С. 156).

Следует указать, что осетины (тагаурцы) понимали роль Военно-Грузинской дороги для России и добивались различных торгово-экономических и политических выгод для себя (Очерки истории., 2010. С. 156). Население Восточной Осетии было заинтересовано в покровительстве Петербурга. В 1806–1809 гг. дигорцы, алагирцы и жители Нарского ущелья повторно присягали на российское подданство (РГВИА. Ф. ВУА. Оп. 1. Д. 6164. Ч. 52. Л. 58 об.).

Между тем многое в ситуации в северокавказском регионе зависело от обстоятельств в Кабарде. Введение в Кабарде шариатского суда не могло стабилизировать российско-кабардинские отношения, хотя российская администрация на Кавказе пыталась привлечь на свою сторону верхушку мусульманского духовенства (Кажаров В.Х., 1994. С. 294). Кроме того, российские власти ввели жесткие карантинные меры в связи с распространением в Кабарде чумы (РГВИА. Ф. ВУА. Д. 6166. Ч. 2. Л. 3–4). Эта вынужденная мера также осложнила российско-адыгские взаимоотношения.

В 1809 г. в Кабарде и Балкарии вновь появились султанские и шахские эмиссары для подстрекательства к новым выступлениям. Кабардинские владетели готовили крупный отряд для нападения и на Кавказскую линию у р. Малки. Следует отметить, что народные массы не хотели участвовать в этих выступлениях. Но российские военные считали виновными всех кабардинцев и решили действовать силою. В 1810 г. русский отряд под командованием ген. С.А. Булгакова двинулся на Кабарду, сжигая селения, и угнал большие стада скота (*Потто В.А.*, 1887. Т. 1. С. 635). Жесткие меры ген. С.А. Булгакова по отношению к кабардинцам вызвали недовольство императора Александра I (РГВИА. Ф. ВУА. Д. 6190. Л. 2 с об.).

Летом 1810 г. начинается в Кабарде подготовительная работа по отправлению в Петербург адыгской делегации. В ходе формирования членов возник конфликт между командованием Кавказской линии ген. С.А.Булгаковым и кабардинским князем И. Атажукиным. Последний стремился к явному политическому лидерству в Кабарде. Разумеется, это не устраивало российские власти и он вскоре был арестован (*Потто В.А.*, 1887. Т. 1. С. 635–636).

Осенью 1810 г. из Петербурга с целью ревизии Кавказской губернии прибыл ген.-м. Вердеревский. В результате его приезда ген. С.А. Булгаков был снят со своей должности (РГВИА. Ф. ВУА. Д. 6186. Л. 258 с об.). В начале 1811 г. бывший командующий Кавказской линии временно сдал свои полномочия ген.-л. Мусину-Пушкину, до приезда нового командующего ген.-

л. Н.Ф. Ртищева (*Помто В.А.*, 1887. Т. 1. С. 636–637). Ртищев был человеком нерешительным, мягким, преклонного возраста, по возможности действовал в регионе мирными средствами. Вполне возможно, что его более или менее лояльная политика по отношению к местному населению находила поддержку среди них. В 1811 г. была принята присяга на подданство России кабардинцев и ряда адыгских обществ Закубанья (АКАК. 1875. Т. 4. С. 928–299).

Следует отметить, что жестокости некоторых русских военных властей на Кавказе вызвали порицание и беспокойство даже у императора Александра I и некоторых высших военных чинов. Так, главнокомандующий на Кавказе ген. А.П. Тормасов ещё в октябре 1810 г. подал военному министру М.Б. Барклаю-де-Толли письменное мнение о вреде и ненужности репрессий, советовал прибегать к «справедливым» мерам, налаживать с местными народами мирные связи, в том числе торгово-экономические (АКАК. 1875. Т. 4. С. 931). В 1812 г. император Александр I грамотой подтвердил привилегии кабардинских владетелей, и многие из них стали получать воинские звания и награды (АКАК. 1875. Т. 4. С. 933).

На Северо-Восточном Кавказе, в частности в Дагестане и Чечне, после провала попыток Ших-Али-хана Дербентского и Сурхай-хана Казикумухского поднять местных владетелей на борьбу с Россией, продолжался процесс принятия подданства России многими союзами северокавказских обществ (*Гаджиев В.Г.*, 1965. С.189, 195). В 1807 г. ген. И.В. Гудович доносил о принятии чеченцами присяги на верность России (АКАК. 1873. Т. 3. С. 667–668; *Махмудова К.З.*, 2012. С. 385). В 1809 г. присягнули осетины (тагаурцы) (АКАК. 1873. Т. 3. С.222). В 1810 г. присягу приняло «вольное» общество Чох (Авария). Наместник Кавказа А.П. Тормасов 3 июля 1810 г. писал министру иностранных дел России Н.П. Румянцеву, что все владения Дагестана, кроме Казикумухского ханства, «находятся в прежнем подданстве Его Императорского Величества» (*Гапуров Ш.А.*, 2003. С. 325).

Следует отметить, что в 1811–1812 гг. сложной была обстановка в Чечне. После неудачного нападения на Назрановскую крепость чеченцы начинают совершать нападения на Терскую линию (РГВИА. Ф. 482. Оп. 1. Д. 9. Л. 53). Главнокомандующий российскими войсками ген.-л. Н.Ф. Ртищев пытался урегулировать обстановку путем переговоров и в марте 1812 г. созвал в Моздоке съезд чеченских старшин, взяв линию на подкуп их деньгами и ценными подарками, а также на развитие в дальнейшем тесных торгово-экономических связей. Он также запретил местным начальникам кордонов и казакам делать вайнахам «репрессалии» за нападения (История Чечни. 2008. Т. 1. С. 464). При этом функции военного кордонного руководства по управлению чеченцами сводились к недопущению нападений с их стороны (АКАК. 1875. Т. 4. С. 874).

Кроме того российское правительство в марте 1811 г. упразднило институт приставства в Чечне за его неэффективностью в предотвращении набегов (История Чечни. 2008. Т. 1. С. 465).

Следует отметить, что одним из направлений политики российской администрации в отношении чеченцев было переселение вайнахов на равнину. Ещё со второй пол. XVIII в. российские власти пытались переселить вайнахов в Притеречные районы. Уже с начала XIX в. российская администрация на Кавказе окончательно приходит к мнению, что поселение чеченцев по правой стороне Терека и в Засулакской Кумыкии, в частности на землях аксаевских князей является одним из правильных решений. Кавказская администрация (И.В. Гудович, А.П. Тормасов) считала, что на плоскости будет легче контролировать чеченцев, развивать с ними торговые отношения (История Чечни. 2008. Т. 1. С. 462–463).

Открытие меновых дворов и лояльная политика российских властей положительно сказались на дальнейшем развитии торгово-экономических связей чеченцев и других народов региона с Россией. Ген. Дельпоццо в рапорте А.П. Тормасову писал, что чеченцы «гораздо более имеют желание привозить свои продукты в наши границы и продавать оные по сходным ценам...» (АКАК. 1875. Т. 4. С. 834–835).

Раздираемая междоусобными войнами, распрями и другими противоречиями, Порта уже была не в состоянии бороться против могущественной России, поэтому султан ещё в 1810 г. вынужден был пойти на переговоры о мире.

Но в результате закулисных действий дипломатов Англии и Франции переговоры о мире затягивались. Имея за собой поддержку европейских держав, османы требовали от России отречься «от сделанных ею в течении пяти лет завоеваний в Азии» (АКАК. 1873. Т. 3. С. 222). Европейские дипломаты также добивались срыва мирных переговоров.

Между тем ободренной началом и продолжением российско-османской войны 1806-1812 гг., а также поддерживаемый Наполеоном, Персия добивалась установленная «старых границ, включая Кизляр и весь Дагестан и другие области Северного Кавказа». В мае 1808 г. Аббас-Мирза писал

главнокомандующему на Кавказе И.В. Гудовичу, что многие «воды в окрестности Моздока составляли границу между Персией и Россией, что Иран не отклоняется от покровительства своим владениям» (АКАК. 1875. Т. 5. Ч. 2. С. 374).

Тем временем персидский шах успел договориться с османским султаном о совместных действиях против России.

Между тем в течение 1807–1808 гг. на Северном Кавказе, в частности в Дагестане, не было отмечено каких-либо антироссийских выступлений, хотя не только иранский шах, но и османский султан призывал северокавказцев к «священной» войне (АКАК. 1873. Т. 3. С. 388–389, 455).

В 1809 г. между Англией и Персией был подписан мирный договор «о союзе и дружбе». Согласно этому договору шахский Иран порывал с Францией и на все время войны против России получал от Англии крупную денежную субсидию, а также инструкторов и вооружение. При помощи этого договора англичане стремились воспрепятствовать утверждению России на Южном Кавказе и помешать использованию шахского Ирана Наполеоном в качестве плацдарма для нападения на Индию.

Подготовившись с помощью Англии и договорившись с Портой, в 1809 г. шахский Иран прервал мирные переговоры с Россией и возобновил военные действия.

Настойчивые призывы шахского Ирана и материальная поддержка со стороны англичан дали свои результаты. Отдельные владетели Дагестана, прежде всего Ших-Али-хан Дербентский и Сурхай-хан Казикумухский открыто выступили против России (АКАК. 1875. Т. 4. С. 457, 616, 618, 621).

Между тем процесс присоединения народов Дагестана и Чечни к России продолжался. Так, в 1809 г. приняли российское подданство ряд новых обществ Дагестана (Ахтынское, Балхарское, Каратинское и др.) (АКАК. 1875. Т. 4. С. 499, 606, 953). Повторные присяги приняли летом 1810 г. старшины Чечни и Ингушетии (АКАК. 1875. Т. 4. С. 899–901). В Осетии тагаурцы и алагирцы, присягнули на подданство России в 1809 г., а дигорцы в 1811 г. (Киняпина Н.С., Блиев М.М., Дегоев В.В., 1984. С. 118; АКАК. 1873. Т. 3. С. 222).

В сентябре 1810 г. совместные силы османов и персов были разбиты российскими войсками в сражении под Ахалкалаки. Осенью 1811 г. была сделана попытка к соединению персидско-османских войск на кавказском фронте, но она закончилась безрезультатно (АКАК. 1875. Т. 4. С. 775–776). Одновременно с подготовкой к вторжению на Северный Кавказ в 1811 г. иранский шах и наследник престола Аббас-Мирза отправили свои указы дагестанским владетелям.

К их призывам склонились только Сурхай-хан Казикумухский, Ших-Али-хан Дербентский, акушинский кади, Султан-Ахмед Аварский и др. (АКАК. 1875. Т. 4. С. 630–631, 671, 679).

Таким образом, вдохновителем и подстрекателем антироссийских выступлений на Северо-Восточном Кавказе в то время была Персия.

Между тем завершалось присоединение к России союзов сельских обществ Дагестана. Были присоединены Кюринское и Казикумухское ханства, Акуша-Дарго (АКАК. 1875. Т. 5. С. 162).

Между тем осенью 1811 г. в результате интриг европейских держав переговоры были прерваны со стороны Стамбула. Военные действия возобновились.

Османские эмиссары вновь развернули активную антироссийскую деятельность на Северном Кавказе. В регион доходили волновавшие население слухи о нашествии Наполеона Бонапарта в Россию. Местные народы страдали от притеснений владетелей и русских властей. Некоторая часть местных жителей (осетины – тагаурцы, ингуши), поддавшись на султанские и шахские посулы, напали на важные пункты Военно-Грузинской дороги, но потерпели поражение (Киняпина Н.С., Блиев М.М., Дегоев В.В., 1984. С. 118–119).

Стамбул, не имея больше сил для продолжения войны и, больше, всего боявшись победы Наполеона Бонапарта и его планов раздела султанской Турции, склонялся к миру с Петербургом. 28 (16 мая) 1812 г. в Бухаресте был подписан российско-турецкий мир (Договоры России с Востоком..., С. 49–58). Необходимо указать, что во время российско-турецких переговоров английский посол в Турции Канинг добивался, чтобы в статье договора включить «замирение с персидским правительством». На это российская сторона ответила, что она «всегда желает мира», но нет необходимости, «чтобы в двух войнах ... было сделано мирное постановление» (АКАК. 1875. Т. 5. С. 650). Тогда же Петербург, как можно быстрее закончить войну с Персией, предложил свои мирные предложения, согласно которым граница между государствами определялась бы «по местам тех владений, которые ныне находятся под властью России» (АКАК. 1875. Т. 5. С. 649). Однако Персия, поддерживаемая Лондоном, отклонила предложение Петербурга. Следует отметить, что вторая статья договора давала России право пользоваться участком восточного

берега Черного моря на дистанции 2 часов пути к северу от правого берега р. Риони и 4 часов пути к югу от Анапы для выгрузки и провоза военных припасов и снаряжения. Укрепления Редут-кале, Анаклия и Сухум-кале оставались за Россией, но крепости Анапа и Поти снова стали форпостами Османской империи (Панеш А.Д., 2006. С. 60–61). Как известно, Анапа и Поти были воротами для вывоза рабов с Северного Кавказа и вмешательством османов в дела народов Закубанья.

Следует отметить, что Бухарестский мир 1812 г. укрепил позиции Российского государства на Балкане и Кавказе. Кроме того, он стал её дипломатической победой, имевшей весьма существенное значение в условиях напряженной внешнеполитической обстановки.

В 1811–1812 гг. российские войска одержали ряд побед над персами. Выше уже указывалось, что в мае 1812 г. был заключен мир с Портой. В этих условиях продолжение войны с Россией могло привести к окончательному разгрому шахского Ирана. Несмотря на неблагоприятную обстановку для Персии как на Кавказе, так и в Европе, шах по совету Лондона затягивал начавшиеся переговоры (АКАК. 1875. Т. 5. С. 727–728). Так, посол Англии в Иране Гор-Аузли добивался лишь перемирия на 1 год, чтобы использовать мирный передышек для реорганизации персидской армии. Кроме этого, Лондон принимал активное участие в примирении Порты и Персии. Российская сторона отвергла все предложения английского посла (История народов Северного Кавказа..., 1988. С.29). Шахский Иран в 1813 г. готовился к новому вторжению на Северный Кавказ. Однако обстановка в регионе, явно была не в пользу шаха.

Правитель Дербента Ших-Али-хан и Сурхай-хан Казикумухский хотя и призывали к борьбе против России, но дагестанские народы не откликнулись на их просьбы (АКАК. 1875. Т. 5. Ч. 2. С. 376). Кроме того, в феврале 1811 г. союзы сельских общин Дагестана (Ахты-пара, Докуз-пара, Алты-пара и др.) подтвердили своё подданство России. В начале 1812 г. жители Кюринского ханства, жаловавшиеся российским властям на притеснения со стороны Сурхай-хана, также были приняты в российское подданство (АКАК. 1875. Т.5. С. 160–161). Летом 1812 г. присягу верности к России дал казикумухский владетель Сурхай-хан (История Дагестана. Т. 1. 2004. С. 464).

В июле 1812 г. к ген. Н.М. Хатунцеву прибыла большая делегация от «акушинского и всего даргинского народа» с просьбой о присоединении к России. Представители даргинцев «от имени всего народа равномерно учинили присягу на верность е.и.в.» (Гаджиев В.Г., 1965. С. 203). Таким образом, планы персов провалились.

24 (12) октября 1813 г. между Россией и Ираном был подписан Гюлистанский мирный договор. Согласно договору, Иран отказался от притязаний на Дагестан, Грузию и большую часть Азербайджана. Таким образом, по Гюлистанскому мирному договору Дагестан был включен в состав России. Кроме того, статья 5 мирного трактата предоставляла России исключительное право держать военные корабли на Каспийском море (АКАК, 1875. Т. 5. С. 7).

ЛИТЕРАТУРА

Абдуллаев Ф. Из истории русско-иранских отношений и английской политики в Иране в начале XIX в. Ташкент, 1971. – 273 с.

Акты, собранные Кавказскою Археографическою комиссиею (Далее – АКАК). Тифлис, 1866. Т. 1. Ч. 1–2. –816 с.

Архив внешней политики Российской империи (Далее –АВПРИ). Ф. СПб. Гл. архив. 1–9. Оп. 8. 1806 г. Д. 2.

Бегеулов Р.М. Центральный Кавказ в XVII – первой четверти XIX века. Карачаевск: КЧГУ, 2009. –290 с.

Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год. СПб., 1869. Ч. 2. –600 с. Всеподданнейший рапорт гр. Гудовича от 15-го ноября 1807 года, № 15 // АКАК. Тифлис, 1866. Т. 3. С. 99–101.

Всеподданнейшее донесение ген. Тормасова, от 16-го мая 1809 года, № 1 // АКАК. Тифлис, 1866. Т. 4. С. 457.

Всеподданнейший рапорт ген.-л. Кнорринга, от 22-го июля 1800 года // АКАК. Тифлис, 1866. Т. 1. С. 643.

Всеподданнейший рапорт ген.-л. Кнорринга, от 11-го октября 1802 года, за № 32 // Акты собранные Кавказскою Археологическою комиссиею (далее – АКАК). Тифлис, 1866. Т. 1.. С. 288.

Всеподданнейший рапорт ген.-л. Кнорринга, от 13-го сентября 1801 года // АКАК. Тифлис, 1866. Т. 1. С. 751–752.

- Всеподданнейший рапорт ген.-л. Кнорринга, от 8-го февраля 1801 года // АКАК. Тифлис, 1866. Т. 1. 682–683.
- Всеподданнейший рапорт кн. Цицианова, от мая-августа 1804 года, № 37 // АКАК. Тифлис, 1866. Т. 2. С. 164–168.
- Гаджиев В.Г.* Роль России в истории Дагестана. М.: Наука, 1965. – 392 с.
- Гапуров Ш.А.* Россия и Чечня в первой четверти XIX века. Нальчик, 2003. – 326 с.
- Гапуров Ш.А.* Северный Кавказ в политике России в начале XIX века. Нальчик, 2004. – 489 с.
- Грамота Е.И.В. к Эриванскому владетелю Мухаммед-хану, данная 3-го августа 1800 г. в Гатчине // АКАК. Тифлис, 1866. Т. 1. С. 109–110.
- Джахиев Г.А.* Россия и Дагестан в начале XIX века. Махачкала, 1985. – 89 с.
- Договоры России с Востоком политические и торговые. С. 49-58.
- Записка с.с. Коваленского о Грузии // АКАК. Тифлис, 1866. Т. 1. С. 111–124.
- История Востока. М.: Восточная литература, 2004. Т. 4. Кн. 1. – 608 с.
- История Дагестана. Т.1. М.: Наука, 2004. 632 с.
- История многовекового содружества. Нальчик, 2007. – 720 с.
- История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. – 1917 г.). М.: Наука, 1988. 653 с.
- История Чечни. Грозный, 2008. Т. 1. – 828 с.
- Кажаров В.Х.* Традиционные общественные институты кабардинцев и кризис в конце XVIII – первой пол. XIX в. Нальчик, 1994. – 247 с.
- Кидирнязов Д.С., Махмудова К.З.* Георгиевский договор 1802 г. // Вопросы истории. № 9. М., 2012. С. 148–153.
- Киняпина Н.С., Блиев М.М., Дегоев В.В.* Кавказ и Средняя Азия во внешней политике России. М., 1984. – 328 с.
- Летифова Э.* Илусуйское султанство. Баку, 2010. – 400 с.
- Махмудова К.З.* Северо-Восточный Кавказ в политике России, Ирана и Турции в XVIII – 20-е гг. XIX в. Грозный: Изд-во «Грозненский рабочий», 2012. – 500 с.
- Отношение барона Розена к гр. Чернышеву, от 12 ноября 1831 года, № 135 // АКАК. Тифлис, 1866. Т. 5. С. 669–671.
- Отношение ген. Торماسова к военному министру Барклаю де-Толли, от 23-го июня 1811 года, № 118 // АКАК. Тифлис, 1866. Т. 4. С. 928–929.
- Отношение ген. Торماسова к военному министру, от 18-го декабря 1810 года, № 218 // АКАК. Тифлис, 1866. Т. 4. С. 666–670.
- Отношение ген. Торماسова к гр. Румянцеву, от 29-го мая 1809 года, № 29 – Саганлуг // АКАК. Тифлис, 1866. Т. 4. С. 931–933.
- Отношение кн. Цицианова к ген. Черторыйскому, от 13-го августа 1805 года, № 546 // АКАК. Тифлис, 1866. Т. 2. С. 1033–1036.
- Очерки истории российского Северного Кавказа второй половины XVI – середины XIX века. Славянск – на – Кубани, 2010. – 203 с.
- Панеш А.Д.* Западная Черкесия в системе взаимодействия России с Турцией, Англией и имаматом Шамиля (до 1864 г.). Майкоп, 2006. – 128 с.
- Перевод письма от визиря властвующего в Персии Баба-хана, Хаджи-Ибрагим-хана, к министру всемилостивейшего, великого всероссийского Кесаря, П.И. Коваленскому // АКАК. Тифлис, 1866. Т. 1. С. 96–97.
- Письмо барона Будберга к гр. Гудовичу, от 14-го ноября 1806 года // АКАК. Тифлис, 1866. Т. 3. С. 424.
- Письмо ген.-и. Лазарева к ген.-л. Кноррингу, от 6-го августа 1800 года // АКАК. Тифлис, 1866. Т. 1. С. 127–128.
- Письмо ген.-м. Лазарева к Омар-хану, от 1-го ноября 1880 года, за № 63 // АКАК. Тифлис, 1866. Т. 1. С. 165–166.
- Письмо ген.-м. Лазарева к царевичу Иоанну, от 29-го октября 1800 года, за № 61 // АКАК. Тифлис, 1866. Т. 1. С. 164.
- Письмо гр. Гудовича к Аббас-мирзе, от 15-го ноября 1807 года, № 266 // АКАК. Тифлис, 1866. Т. 3. С. 443.
- Письмо гр. Румянцева к ген. Ртишеву, от 7-го апреля 1812 года // АКАК. Тифлис, 1866. Т. 5. С. 649–650.
- Письмо гр. Румянцева к гр. Гудовичу, от 4-го августа 1808 года // АКАК. Тифлис, 1866. Т. 3. С. 485–490.

- Письмо д.с.с. Италинского к кн. Цицианову, от 3-го июня 1805 года // АКАК. Тифлис, 1866. Т. 2. С. 882–887.
- Письмо д.с.с. Коваленского ген.-л. Кноррингу, от 13-го июля 1802 года, за № 701 // АКАК. Тифлис, 1866. Т. 1. С. 660.
- Письмо д.с.с. Коваленского к ген.-л. Кноррингу, от 15-го июля 1802 года // АКАК. Тифлис, 1866. Т. 1. С. 357.
- Письмо кн. Цицианова к Шамхалу Мегди, от 13 октября 1804 года, № 418 // АКАК. Тифлис, 1866. Т. 2. С. 786.
- Письмо от царевича Иоанна к ген.-м. Лазареву от 25 октября 1800 года // АКАК. Тифлис, 1866. Т. 1. С. 161.
- Письмо Султан-Ахмед-хана к ген. Торماسову // АКАК. Тифлис, 1866. Т. 4. С. 606–608.
- Письмо Сурхай-хана к ген.-м. Каплан-оглы (Орбелиани) // АКАК. Тифлис, 1866. Т. 2. С. 774.
- Потто В. А.* Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях. СПб., 1887. Т. 1. – 346 с.
- Предписание ген. Тормасова ген. – от – инф. Булгакогва, от 29-го сентября 1810 года, № 623 // АКАК. Тифлис, 1866. Т. 4. С. 874–875.
- Предписание ген. Тормасова ген.-л. Мусину-Пушкину, от 1-го апреля 1811 года, № 165 // АКАК. Тифлис, 1866. Т. 4. С. 905–906.
- Предписание ген.-л. Кнорринга ген.-м. Лазареву, от 1 ноября 1800 года, за № 4, 483 // АКАК. Тифлис, 1866. Т. 1. С. 166–167.
- Предписание гр. Гудовича ген.-л. барону Розену, от 15-го сентября 1806 года, № 44 // АКАК. Тифлис, 1866. Т. 3. С. 522–523.
- Предписание гр. Гудовича гр. Ивеличу 3-му, от 11-го апреля 1809 года, № 1999 // АКАК. Тифлис, 1866. Т. 3. С. 222.
- Предписание гр. Гудовича подполк. Тихановскому, от 1-го апреля 1807 года, № 106 // АКАК. Тифлис, 1866. Т. 3. С. 278–279.
- Приказ кн. Цицианова всем Джарским обществам, от 31-го марта 1804 года, № 149– Гори // АКАК. Тифлис, 1866. Т. 2. С. 691.
- Приобретения, сделанные в подданство Российской Империи со времени занятия Грузии, с показанием населения оных и кем они управляемы // АКАК. Тифлис, 1866. Т. 4. С. 953–954.
- Прокламация ген. Тормасову Закубанским народам, от 5-го января 1811 года, № 22 // АКАК. Тифлис, 1866. Т. 4. С. 889–890.
- Рапорт ген. Репина ген. Тормасову от 27-го мая 1809 года, № 598 // АКАК. Тифлис, 1866. Т. 4. С. 616–621.
- Рапорт ген.-л. Глазенапа кн. Цицианову, от 11-го августа 1805 года, № 395 – Георгиевск // АКАК. Тифлис, 1866. Т. 2. С. 948.
- Рапорт ген.-л. Репина маркизу Паулуччи, от 11-го октября 1811 года, № 1237 – Баку // АКАК. Тифлис, 1866. Т. 5. С. 162–163.
- Рапорт ген.-л. Репина маркизу Паулуччи, от 14-го ноября 1811 года, № 1381 – Баку // АКАК. Тифлис, 1866. Т. 5. С. 7–8
- Рапорт ген.-м. гр. Ивеличу 3-го гр. Гудовичу от 28-го ноября 1806 года, № 794 – Владикавказ // АКАК. Тифлис, 1866. Т. 3. С. 213.
- Рапорт ген.-м. Гулекова кн. Цицианову, от 20-го февраля 1803 года, № 40 // АКАК. Тифлис, 1866. Т. 2. С. 154–155.
- Рапорт ген.-м. Дельпоцо ген. Тормасову, от 10-го января 1811 года, № 103 // АКАК. Тифлис, 1866. Т. 4. С. 834–835.
- Рапорт ген.-м. Лазарева ген.-л. Кноррингу от 8-го ноября 1800 г., за № 67 // АКАК. Тифлис, 1866. Т. 1. С. 168–169.
- Рапорт ген.-м. Лазарева ген.-л. Кноррингу, от 1-го ноября 1800 года, за № 64 // АКАК. Тифлис, 1866. Т. 1. С. 167–168.
- Рапорт ген.-м. Лазарева ген.-л. Кноррингу, от 20-го июля 1802 года, за № 356 // АКАК. Тифлис, 1866. Т. 1. С. 258–261.
- Рапорт ген.-м. Лазарева ген.-л. Кноррингу, от 6 октября 1800 года, за № 30 // АКАК. Тифлис, 1866. Т. 1. С. 159.
- Рапорт ген.-м. Лазарева ген.-л. Кноррингу, от 8 сентября 1800 года // АКАК. Тифлис, 1866. Т. 1. С. 151–152.

Рапорт ген.-м. Лазарева кн. Цицианову, от 9 января 1803 года, № 13 // АКАК. Тифлис, 1866. Т. 2. С. 152–153.

Рапорт ген.-м. Хатунцова ген. Ртищеву, от 16-го июня 1813 года, № 188 – Куба // АКАК. Тифлис, 1866. Т. 5. С. 376–777.

Рапорт кн. Цицианова Государственной Коллегии иностранных дел, от 28-го декабря 1802 года, № 241 // АКАК. Тифлис, 1866. Т. 2. С. 1009–1012.

Рескрипт императора Александра I к ген.-л. Кноррингу, от 24-го декабря 1802 года // АКАК. Тифлис, 1866. Т. 1. С. 753–755.

Рескрипт императора Павла от 10 июля 1800 года ген.-л. Кнорингу // АКАК. Тифлис, 1866. Т. 1. С. 106–107.

Российский государственный военно-исторический архив (Далее – РГВИА). Ф. 424. Материалы о российских пограничных укреплениях, крепостях и укрепленных позициях. Оп. 1. Д. 47.

Российский государственный военно-исторический архив Ф. 482. Военные действия в Закавказье и на Северном Кавказе. Оп. 1. Д. 9; Д. 20.

Российский государственный военно-исторический архив Ф. Военно-ученый архив Оп. 1. Д. 482; Д. 4259. Ч. 1; Д. 6164. Ч. 52; Д. 6166. Ч. 1, Ч. 2; Д. 6186; Д. 6190.

Секретное письмо гр. Румянцева к ген. Ртищеву, от 9-го августа 1813 года // АКАК. Тифлис, 1866. Т. 5. С. 727–728.

Фирман царю Соломону от Баба-хана, 1802 года // АКАК. Тифлис, 1866. Т. 1. С. 693–694.